

На правах рукописи

Рождественская Елена Юрьевна

**Биография как социальный феномен и объект социологического
анализа**

Специальность 22.00.01. - теория, методология и история социологии
по социологическим наукам

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Москва – 2013

Работа выполнена в Центре теоретических и историко-социологических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социологии Российской академии наук

Научный консультант - Ядов Владимир Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт социологии Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Готлиб Анна Семеновна - доктор социологических наук, профессор, кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Самарский государственный университет"

Ильин Владимир Иванович - доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии культуры и коммуникаций Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Санкт-Петербургский государственный университет"

Пузанова Жанна Васильевна - доктор социологических наук, профессор, кафедра социологии Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования "Российский университет дружбы народов"

Ведущая организация - Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский Государственный гуманитарный университет"

Защита состоится « » 2013 г. в ____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.011.01 в Институте социологии РАН по адресу: 117218 Москва, ул. Кржижановского 24/35, к.5. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 002.011.01,
кандидат философских наук

Климова Светлана Гавриловна

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы

В современных обществах существенные изменения претерпевает как социальный феномен биографии, так и дискурс биографических исследований. Контекст явлений общего социального плана, меняющих представления о современной биографии в современных обществах, связан с социальным феноменом, описывающим изменившуюся структуру жизненного пути индивида: «парадокс смещенной середины». Индивиды позднее включаются в оплачиваемую занятость или обязанности по уходу за ребенком, а также располагают более длинным пенсионным периодом жизни, что в итоге смещает или отодвигает условную середину жизни, задаваемую системой занятости в рыночных экономиках. Другие фазы или задачи жизненного пути становятся зависимыми от средней фазы жизни в работоспособном возрасте. Парадокс заключается в том, что общества, построенные на идее труда, сокращают период собственно труда в жизненном пути индивида, поскольку растянутые периоды жизни (подготовка к труду и отдых от него) требуют сжатия, уплотнения трудовой биографии как наиболее важной жизненной задачи, которую ставит перед собой человек. Поиски оптимального сочетания задач жизненного пути в последнее время стали весьма популярной темой, формулируя социальный запрос на индивидуализированный поиск баланса, свидетельствуя о переносе центра тяжести в конструировании жизненного пути на индивидуальный выбор, предпочтения и подтверждающие их действия. Рефлексивный биографический проект, по Э.Гидденсу, индивидуализация и де-институционализация жизненного пути, по М.Коли, или рефлексивная биография в смысле У.Бека - эти концепции отражают то понимание феномена современной биографии, в котором управление «биографическим таймингом» и событийным наполнением жизненного пути в большей степени зависит от индивида и институциональной среды, а не от традиций. Баланс, к которому стремится человек, планируя свою биографию, имеет два измерения –

синхронический и диахронический. Либо задачи получения образования, трудоустройство и обретение семьи/партнерства решаются одновременно, либо их реализация растянута во времени и упорядочена с точки зрения предпочтений. В этом смысле актуален анализ конструкторов жизненного пути, положенных в основу биографии и выстраивающих очередность событий, поскольку биография становится перекрестком влияния социальных институтов и активности социального актора.

С другой стороны, пересмотру подлежит не только персональный конструктор жизненного пути, но и рассказ о нем. Самопрезентация и самописание индивидов приняли в современных обществах форму тотального конструирования биографических образцов, массового производства нарративов для описания разнообразных жизненных практик. Понять и изобразить себя в собственном развитии и изменении, описать эти процессы с учетом наблюдающих и оценивающих партнеров по интеракции - все это совмещено в концепции Биографического как диалектике индивидуального участия, институционального влияния и нарративного опосредования. Для ориентации в современном социальном мире уже недостаточно факта принадлежности к определенному классу, обладания социально-профессиональным статусом. Необходимо учитывать перспективу деятеля, его смысловой горизонт и определение им социальной ситуации. Биография интегрирует различные жизненные практики в единое целое и вследствие этого принадлежит к важнейшему средству ориентации и интеракции во множестве социальных ситуаций. Можно сказать, что через *разные* формы биографий в современном обществе по мере увеличения социальной дифференциации именно таким образом осуществляется социальная интеграция. Собственно социальное биографическое исследование и направлено на то, чтобы изучить и реконструировать формы упорядочения социального опыта в биографиях и нарративные способы придания им связности.

Но биографические интервью, автобиографические документы опосредованно решают социологические задачи. В социальной биографии речь идет о самоидентификациях, но не об отстраненных описаниях социальных отношений или о связях между событиями. В автобиографическом тексте рассказчик, он же носитель биографии, хочет рассказать свою жизнь не только как «член общества», но и показать, что он не просто «исполнитель ролей», но деятельный субъект. Поэтому в данных, производимых в биографическом исследовании, прячется «внесоциальная» самопрезентация. Мы обнаруживаем ее в той форме биографического повествования, в которой индивидам удается осмыслить и описать свою жизнь и ее значения, независимо от истории общества в целом. Однако этот, казалось бы, парадокс содержит указание на суть рассматриваемой проблемы: люди в современном обществе заняты утверждением своей индивидуальности, не полагаясь на социум, не удовлетворяясь лишь ролью члена общества. То, что может социология получить от биографического исследования, так это знание о процессуальных формах биографии, о делящемся процессе идентификации, представлении о жизненной траектории как наслоении и взаимосвязи практик в событийном контексте.

Степень научной разработанности темы

Предыстория биографического метода связана с 20-ми годами XX века Чикагской школы в США, так называемой социологией биографических конкурсов в Польше, психологией в Австрии. Знаменитое исследование о польских крестьянах в Европе и Америке, вышедшее в 1918-1920 годах, чикагского социолога В.И.Томаса и его польского коллеги Ф.Знанецкого¹, развивало тезис о развале сельской общины и индивидуализации ведения хозяйства. Макросоциологическая проблема миграции рассматривается здесь через призму изменений в крестьянских «первичных группах» семьи и общины

¹ Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Second edition, 2 vols. N.Y.: Dover Publications, 1958.

(в экономических, культурных, религиозных и классовых аспектах). Из Чикагской школы вышло целое направление биографических исследований - изучение особенностей культуры сообществ иммигрантов, образа жизни преступников и девиантных групп, генезиса преступлений в истории жизни, проблем урбанизированного общества, особенностей этнической, языковой и культурной дивергенции. Среди использованных в этих исследованиях первичных данных - автобиографии и биографические интервью, письма, акты о попечении и документы других контрольных инстанций, протоколы включенных наблюдений, самонаблюдения меньшинств и отклоняющихся групп. Если некоторые биографические данные использовались лишь иллюстративно, то другие методично сравнивались, например, в исследовании К.Шоу среди молодых правонарушителей. К американской школе социальных исследований принадлежат еще и другие качественные междисциплинарные исследования середины и второй половины XX века, методические уроки которых вбирает проблематика биографических исследований. Это Хотторнские эксперименты Ф.Ротлизбергера и В.Диксона², исследования мотивации Д. Мак-Клеланда³, исследования балинезийского характера и социализации на Бали М.Мид и Г.Батсона⁴. Европейская линия биографических исследований развивалась в ином ритме. Так, в Польше Ф.Знанецкий выпустил в 1921 году первое собрание письменных автобиографий; там этот исследовательский метод закрепился в форме публичных конкурсов биографий как признание социологическим сообществом использования биографических свидетельств. Как резюмирует П.Томпсон⁵, характерным для этой польской линии биографического метода было то, что она вышла за пределы научного

² Roethlisberger F.J. & Dickson, W.J. Management and the worker. Cambridge: Harvard University Press, 1939.

³ McClelland D.C. The achieving society. Princeton: Van Nostrand, 1961.

⁴ Bateson G. & Mead M. Balinese character. A fotografic analysis. New York: Academy of Sciences, 1942.

⁵ Томпсон П. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод: история, методология, практика /Под ред. Мещеркиной (Рождественской) Е.Ю., Семеновой В.В. М.: ИС РАН, 1994. С.60-61.

обсуждения и стала культурным движением, так как путем публикации биографий к обсуждению тем национальной и общественно-политической значимости были привлечены различные социальные группы. Более того, утверждается, что биографический метод способствовал росту самосознания этих социальных групп. Если немецкая социология в 20-е годы не присоединилась к американским «качественным» инициативам преимущественно из-за методических возражений против ценности источников - автобиографий, собранных среди представителей рабочего движения, то венским психологам Карлу и Шарлотте Бюлер⁶ удалось внедрить биографический метод в психологию и педагогику. Ш.Бюлер собирала дневники гимназической молодежи и осуществила систематический анализ этих документов, в том числе, в перспективе сравнения поколений и в психологии течения жизни. Венская линия биографических исследований была поддержана другим классическим качественным исследованием 30-х годов XX века «Безработные в Мариентале»⁷. Содержательная проблема исследования - безработица в Австрии, методологическая - попытка объективно отобразить социально-психологические последствия этого факта. Эта венская линия развития была прервана во времена национал-социализма, поскольку его центральная идеологема - раса, наследственность - чужды гуманистическому биографическому подходу. Далее, уже в середине 50-х годов группа психологов во главе с Х.Томаэ занималась сбором и интерпретацией биографических данных в проекте «Психологической биографики»⁸. Особенностью этого проекта были долгосрочные наблюдения и анализ бюджета дня, попытка достичь своего рода полноты жизненно-исторического свидетельства. Правда, это осталось узко-парадигматическим достижением и не

⁶ Buehler Ch. Drei Generationen im Jugendtagebuch. Jena: Fischer, 1934.

⁶ Buehler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Versuch einer Analyse und Theorie der psychischen Pubertaet. Jena: Fischer, 1929.

⁷ Jahoda M., Lazarsfeld P.F. & Zeisel H. Die Arbeitslosen von Marienthal. Frankfurt: Suhrkamp, 1980.

⁸ Thomae H. Das Individuum und seine Welt. Eine Persoenlichkeitstheorie. Goettingen: Hogrefe, 1968.

привело тогда к широкому распространению биографического метода в социальных науках. Подобное было характерно и для направлений медицинской биографики⁹, автобиографий в педагогике¹⁰, для этнографических историй жизни. Из классических крупных качественных исследований в Европе, которые внесли вклад в развитие качественных и биографических исследований, можно назвать исследования авторитарной личности Т.Адорно¹¹. В послевоенный период в европейской социологии биографии привлекали внимание исследователей в основном для иллюстративных целей. И только в конце 70-х годов одновременно в Германии, Франции, Канаде, Италии и других странах возникает ренессанс биографического метода. Совершенно различные научные дисциплины – социология, клиническая социология, этнография, антропология, психология, социология гендера, этнология, визуальная социология – пересекаются, составляя сегодня развитую и интернационально распространенную сферу биографических исследований. Более того, в социологии говорят¹² о «конъюнктуре» биографического исследования в 80-е и 90-е годы. Этот ренессанс метода уже не сопряжен с прежним рессентиментом, поскольку адепты биографического метода вынуждены прилагать больше усилий для его методологического обоснования, чем это делали, например, Ф.Знанецкий и У.Томас. Социологическая биографика наследует теоретическим усилиям социологии жизненного пути, в рамках которой, вне зависимости от провозглашения активистского направления в теоретической социологии, возникла потребность акцентирования субъектности в понимании социализационных процессов.

⁹ Clauser G. Lehrbuch der biographischen Analyse. Theorie und Praxis lebensgeschichtlich orientierter Krankheitsbetrachtung und Krankerbehandlung. Stuttgart: Thieme, 1963.

¹⁰ Henningsen J. Autobiographie und Erziehungswissenschaft. Eine methodologische Erörterung. // *Neue Sammlung, Göttinger Blätter für Kultur und Erziehung*. Goettingen, 1962, S.450-461.

¹¹ Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E. Levinson D.J. & Sanford R.H. The authoritarian personality. New York: Norton Library, 1950.

¹² Nassehi A. Die Form der Biographie. Theoretische Ueberlegungen zur Biographieforschung in methodologischer Absicht // *BIOS. Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History* 7, 1994. S.46-63.

В потоке биографических европейских исследований последней четверти XX века¹³ складываются в основном четыре направления:

1. Исследования социальной обусловленности жизненных путей. Это, например, исследования профессиональных биографий В.Деппе¹⁴, разделенных/неразделенных по гендерному признаку; социодемографические когортные исследования. Здесь в центре внимания социальные механизмы регулирования жизненных траекторий, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение, конъюнктурные циклы и кризисы, а также исторические события.

2. Исследования, нацеленные на реконструкцию социального опыта и его смысловых структур: исследования сознания рабочего класса Д.Берто¹⁵, коллективного исторического сознания Л.Ниетхаммера¹⁶, субкультурных стилевых форм и др. Эта исследовательская стратегия ведет к уяснению способа построения личного опыта и внутренней структуры матриц ЕГО объяснения/толкования.

3. В отличие от предыдущих направлений, нацеленных на реконструкцию связного личного опыта и господствующих в социуме смысловых структур, можно выделить и такие, которые направлены на изучение генезиса образов опыта и смысловых структур. Например, как происходит процесс социализации и интернализации культурных образцов (Ф.Шютце о поколении эпохи национал-социализма¹⁷).

¹³ Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen - eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt. // Kohli M., Robert G. (Hrsg.) Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler, 1984. S.7-28.

¹⁴ Deppe W. Drei Generationen Arbeiterleben. Eine sozio-biographische Darstellung. Frankfurt a.M. und New York: Campus, 1982.

¹⁵ Bertaux D. Destins personnels et structure de classe (Individual destinies and class structure)., Paris: Presses Universitaires de France, 1977. Bertaux D. Note on the Use of the Life-History Approach to Study a Whole Sector of Production: The Artisanal Bakery in France // Matthes J., Pfeifenberger A., Stosberg M. (Hrsg): Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive. Nuernberg, 1980. S.283-286.

¹⁶ Niethammer L. Die volkseigene Erfahrung. Eine Archeologie des Lebens in der Industrie Provinz der DDR. Berlin: Rowolt, 1991.

¹⁷ Schuetze F. Kollektive Verlaufskurve oder kollektiver Wandlungsprozess. Dimensionen des Vergleichs von Kriegserfahrungen amerikanischer und deutscher Soldaten im Zweiten Weltkrieg

4. Следующий путь эмпирического биографического исследования служит обоснованию теоретических концепций, например, в психологии развития, теории личности, психопатологии. В качестве результата здесь выступает эмпирически обоснованное знание о природе психического и социального поведения.

В России импульсом к развитию биографического метода послужило исследование биографий семей под названием «Век социальной мобильности в России»¹⁸, инициированное французским социологом Д.Берто и возглавленное В.В.Семеновой. В рамках этого проекта и с участием В. В. Семеновой, В. Ф. Журавлева, Е. Ю. Мещеркиной (Рождественской), С.М. Рождественского, Е.Фотеевой, М.М.Малышевой реконструировались индивидуальные стратегии трех поколений семей, жизнь которых иллюстрирует бурные социальные события XX века. К этому методу также обращались в своих исследованиях В.Безрогов¹⁹, А.Вардоматский²⁰, В.Голофаст²¹, И.Голубович²², А.Готлиб²³, Е.Здравомыслова²⁴, Н.Козлова²⁵, В.Нуркова²⁶, И.Разумова²⁷, А.Темкина²⁸, Е.Трубина²⁹, Н.Цветаева³⁰, С.Чуйкина³¹, Е.Ярская-Смирнова³² и др.

// *BIOS. Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History*, 1989, Н.1. S.31-109. Schütze F. Pressure and guilt. War experiences of a young German soldier and their biographical implications // *International Sociology*, 7(2), 187-208; 7(3), 1992.Р. 347-367.

¹⁸ Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. Семеновой В., Фотеевой Е. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.

¹⁹ Безрогов В.Г. Автобиография и социальный опыт // *Социальная история: Ежегодник. 2001/2002* / Под ред И. Ю. Новиченко. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. С. 529-550. Безрогов В. Г. Воспоминания как источник по истории детства // *Педагогическая антропология и история детства*. М.: Изд-во УРАО, 2001. С. 65-78.

²⁰ Вардоматский А.П. Аксиобиографическая методика // *Социс*, 1991. №7. С.35-48.

²¹ Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // *Социологический журнал*, 1995, N 1. С.71-88.

²² Голубович И.В. Язык «историй жизни» и ренессанс биографического метода // *Мова і культура (Науковий щорічний журнал)*. К.: Вид-дім Дмитра Бураго, 2003. Вип. 6. Т. 1. Філософія мови і культури. С. 114-121.

²³ Готлиб А. Автоэтнография (разговор с самой собой в 2 регистрах) // *Социология 4М*. 2004а. № 18. С. 5–16; № 19. С. 5–31.

²⁴ Здравомыслова Е. Коллективная биография современных российских феминисток // *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*. Сб. научных статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЦНСИ, 1996. Труды. Вып. 4. С. 33-60.

Проблема диссертационного исследования

Основная проблема исследования связана с необходимостью теоретически и методологически осмыслить в рамках биографики, как особого предметного направления в социологии, меняющееся положение личности - субъекта в социальных пространствах современного общества.

Современность можно представить как социальный процесс перехода от до-модерных топологических дифференциаций (т.е. классы и социальные группы) к функциональным дифференциациям с такими подсистемами как политика, право, экономика, наука, образование, здравоохранение и т.д. В ходе этого процесса отдельному индивиду сложнее вписываться в определенный сегмент или страту в обществе, скорее, практикуются функциональные режимы включения индивидов в социум. Вследствие этого индивид частично принадлежит ко многим подсистемам, будучи исключенным как **целостный** субъект. От функционально фрагментированного индивида требуется одновременное участие в различных режимах (в терминах Л.Тевено) или подсистемах, к чему он институционально принуждается. Это, в свою очередь, порождает две проблемы. Первая состоит в том, каким образом индивиды должны согласовывать свои действия и опыт как целостные субъекты и как

²⁵ Козлова Н. Крестьянский сын: опыт исследования биографии // *Социс.* 1994. N 6. С.112-123. Козлова Н., Сандомирская И. "Наивное письмо" и производители нормы // *Вопросы социологии.* Вып.7.1996. С.152-186.

²⁶ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000.

²⁷ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001.

²⁸ Темкина А., Здравомыслова Е. Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности // В поисках сексуальности: Сб. статей под ред. Е. Здравомысловой и А.Темкиной. СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2002. С. 549-558.

²⁹ Трубина Е. Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

³⁰ Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // *Социологический журнал.* 2000. № 1/2. С.150-163.

³¹ Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб: Издательство: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006.

³² Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // *Социологический журнал,* 1997, N 3.С. 38-61.

социально интегрированные члены общества. Вторая проблема касается того, каким образом общество нормирует биографии через форму и содержание нарративов, чтобы обеспечить социальный порядок и интеграцию.

Идентификационный ракурс кажется здесь необходимым в общем плане для упорядочения действий и опыта. В процессах идентификации человек начинает осознавать, кто он и чего он хочет при принятии решения о том, как действовать или как разрешить упомянутую моральную дилемму. Но только ли знание ответа на вопрос “кто я такой?” способно обеспечить надежный фундамент в многомерном мире? Может быть, существует и третий путь – платформа, на которой обыкновенный человек приспосабливается к современным условиям, постоянно создавая и воспроизводя социальный порядок, решая практически меру своего участия в современном обществе?

Мы полагаем, что такой платформой является биография, которую можно представить как интерпретативный жанр тематического описания личности, который позволяет организовать жизнь во временной перспективе, а также в плане участия в различных социальных институтах и практиках. Современные биографии возникают как дискурсивные, интерпретативные произведения, сначала в коммуникативной, а затем в письменной форме. Понятие биографии подразумевает описание, которое возникает в результате самонаблюдения и структурирует жизнь индивида как до возникновения определенного события, так и после него.

Объектом диссертационного исследования являются биографии индивидов в различных социальных контекстах.

Предмет исследования - социологический анализ феномена биографии в ее нарративном (повествовательном) измерении.

Цель диссертационного исследования – социологически концептуализировать биографические практики как основу идентичности, а также способ их социологического производства и анализа.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1. Рассмотреть предпосылки становления социологического интереса к биографии в качественной парадигме, а также определить предметные границы смежных областей знания – социологии жизненного пути, устной истории, психологической биографики, социологии памяти.
2. Разработать концепцию нарративной идентичности, позволяющую претендовать на целостность биографической практики рассказчика и налагающую определенные ограничения на понимание исследователем отобранных рассказчиком событий для нарративизации.
3. Критически рассмотреть ведущие концепции нарративного интервьюирования в поле биографических исследований (Ф.Шютце, Г.Розенталь) и проанализировать ограничения, которые авторы закладывают в основу своих концепций.
4. Обосновать принципы обеспечения надежности данных биографического исследования.
5. Продемонстрировать на биографиях различных тематизаций идентичности (социальной, политической, гендерной, этнической, возрастной, субкультурной, травмированной) разнообразие интерпретационных схем и методических приемов.
6. Продемонстрировать концептуальное различие в анализе интра-биографических процессов, биографии как целого, а также интер-биографических процессов, осуществляемых при сравнении повествований различной тематической направленности.

Теоретические и методологические основы диссертационного исследования

В работах патриархов социологии от Конта к Спенсеру, Дюркгейму, Марксу, Зиммелю и до Вебера мы найдем проблематику взаимоотношений индивида и общества как лейтмотивную линию, но индивид воспринимался в этих теоретических подходах в большей мере статично, более того, вне

собственной и им самим изобретаемой процессуальной формы. Основной вопрос формулировался как доказательство социальности жизни и социальной обусловленности индивида. Я «как соорганизатор своего процесса жизни» оставался программе социологических классиков чужд»³³. Правда, в одном из последних сочинений Г.Зиммель приходит к идее «индивидуального закона»: «Действительное... индивидуально.., и только индивидуальное действительно»³⁴, приближающегося к социальной биографике, но не возымевшего теоретических последствий из-за отсылок к моральной философии. Фактически только американские интеракционисты (Ч.Кули, Дж.Мид) и исследователи Чикагской школы опосредовали ясное представление об индивидуальной жизни как собственной и самовоспроизводимой структуре. Но истории жизни как материал для исследований и биография как концепт остаются, за исключением интеракционизма, вне интереса для больших социологических теорий, воспринимающих биографическое исследование как «малоформатное» на фоне глобальных социальных трансформаций, перманентных революций и смен режимов.

Процесс академического дискурса в ходе наблюдения за действительностью и ее описанием привел к фундаментальному пониманию того, что общество (и его составляющие индивиды) подразумевает существование двух отдельных сфер. Эти сферы, имеющие различные названия - субъект и объект, гражданин и государство, индивид и общество, являются независимыми друг от друга, но, в то же время, между ними должна быть установлена взаимосвязь. Таким образом, будучи разорванной на части, основная теоретическая и практическая задача Модерна состояла в том, чтобы по-новому определить взаимоотношения между двумя этими сферами. За Г.Зиммелем и Дж.Г.Мидом, которые размышляли о зарождающейся амбивалентности и парадоксах, связанных с этой ситуацией, последовали

³³ Kohli M. Lebenslauftheoretische Ansaetze in der Sozialisationsforschung // Neues Handbuch der Sozialisationsforschung. Hrsg. K.Hurrelmann, D.Ulich. Weinheim und Basel: Beltz Verlag, 1991. S.315.

³⁴ Зиммель Г. Индивидуальный закон // Логос. Т. I. Вып. II, 1914. С. 201.

работы Ю.Хабермаса, касающиеся коммуникативного действия и политического участия. В этих теориях используется гегелевская философская концепция идентичности, которая социологически объединяема с процессуальностью социального опыта и настаивает на интегрированной личности.

В методологическом плане идея структурирования биографического опыта обнаруживает наиболее явную теоретическую связь с социально-конструктивистской парадигмой³⁵, о чем свидетельствует введенное понятие жизненной конструкции (или конструкция жизни) в биографическом подходе. Исследователь социальных биографий (генеалогий, жизненных путей, траекторий, историй, рассказов и т.д.) исходит из того, что жизнь личности пронизана определенным способом конструирования. Неосознанность подчинению определенным социальным правилам в повседневной жизни отражает парадоксальную структуру субъективных действий: человек выражает в своих действиях больше смысла, чем субъективно полагает. Эта парадоксальность несколько размывается, если мы будем различать два модуса субъективной жизни - скрытый интенциональный способ выражения событий в субъективной жизни и рожденное опытом осмысление связи между событиями в жизни субъекта. В методологии биографического исследования понятию жизненной конструкции соответствует методический прием так называемой структурной реконструкции, по Х.Буде³⁶, объединяющей в себе поиск социального содержания в биографическом материале с точки зрения: 1) герменевтической перспективы, поскольку ищется доступ к пониманию смысла субъективной жизни; 2) структуралистской перспективы, поскольку в поле анализа - система смысловых координат; 3) наконец, социологической перспективы, так как постулируется социальная типика скрытых смыслов.

³⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

³⁶ Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen - eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt // Kohli M., Robert G. (Hrsg.) Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträage und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler. 1984. S.7-28.

Другим теоретико-методологическим ресурсом, использованным в диссертационном исследовании, стала психологическая биографика. В качестве биографического метода в психологической биографике понимаются «все способы приближения к человеческому поведению, его внутреннему обоснованию и его влиянию на культуру, общество и природу, и которые рассматривают не разовый контакт, а, по возможности, интенсивное сопровождение описываемого и объясняемого феномена как достаточное условие для обоснованного мнения о нем»³⁷. Психологическая биографика, особенно в ее психодиагностической части, ориентированной на данные, измеряемые путем стандартизированного опросника или контролируемого эксперимента, заметно отличается своими строгими сциентистскими стандартами от социологической биографики. Возможно, для этой сферы проблематика противоречия между идеографическим и номотетическим подходами наиболее явна, более того, существует угроза абсолютизации номотетического принципа, превращаемого в «номократию». Одновременное следование идеографическому и номотетическому подходам трудно выполнимо. В целом, психологическая биографика привносит в социологическую интерес к биографии в целом, анализ стадильности биографической структуры, процессуальности индивидуального развития, когортного жизненного опыта как реакции на социально-исторические события, тематизацию соматических реакций и их связи с сознанием, а также эмоции и переживания. Существенный вклад в развитие психологической биографики внесли ряд эксплицитных и имплицитных теорий, многие из которых следовали принципам психоанализа о взаимосвязи между определенными раннедетскими опытами и последующим течением жизни. Сегодня модифицированная психоаналитическая биографика в наибольшей степени ориентируется на Эриксона. Другие авторы доказывали с помощью биографий эндогенно сформированную структуризацию жизненного пути по

³⁷ Thomae H. Zur Geschichte der Anwendung biographischer Methoden in der Psychologie // G.Juettemann & H.Tomae (Hrsg). Biographie und Psychologie. Berlin: Springer, 1987. S.108-118.

фазам и ступеням, как например, Ш.Бюлер³⁸ (). Иные исходят из теории стабильности личности и используют биографический подход для прогноза будущего поведения. Деятельностные концепты в основе биографических методик применяются в психотерапии. С помощью этих методик высвечиваются смысловые связи, подлежащие когнитивной перестройке, и тем самым, стимулируется выработка мотивов действия в общей мотивационной системе, направленной на коррекцию поведения. Близка этому деятельностному направлению нарративная психотерапия, представленная Дж.Фридман и Дж.Комбс³⁹, М.Уайт и Д.Эпстон⁴⁰). В российской практике это направление развивают Е.Жорняк, Н.Савельева⁴¹.

Еще одной методологической предпосылкой диссертации является направление Устной истории как междисциплинарного исследования на стыке истории, социологии, этнологии, социальной психологии, антропологии, все более и более социально ориентированной области истории, которая как методологически (Устная история - ретроспективное интервью - как дополнительный источник), так и концептуально (историческое исследование как субъектно ориентированная наука об опыте) дает представление о новых перспективах социального познания. Эти перспективы безусловно связаны с историей сознания как индивидуализированным процессом присвоения/освоения истории. Историческое сознание означает в этом контексте синхронную переработку истории, интеграцию биографического в коллективную историю как результат превращения пережитой истории в означенное переживание, соединение прошедшего с современным и будущим посредством поиска смысла. Процесс присвоения истории, автономная

³⁸ Buehler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Versuch einer Analyse und Theorie der psychischen Pubertaet. Jena: Fischer, 1929.

³⁹ Фридман Д., Комбс Д. Конструирование иных реальностей: истории и рассказы как терапия. М.: Издательство Независимая фирма "Класс", 2001.

⁴⁰ White, M., & Epston, D. Narrative means to therapeutic ends. New York: Norton, 1990.

⁴¹ Жорняк Е.С., Савельева Н.В. Нарративная психотерапия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://narrapractice.narod.ru/kj_ns.htm

реконструкция исторического переживания происходит в воспоминании как модальной форме интернализированной переработки истории.

Примыкает к этому направлению проблематика социальной памяти. В связи с этим в диссертации использован целый ряд концепций (М. Хальбвакс⁴², П.Нора⁴³, Й.Рюзен⁴⁴, Я.Ассман⁴⁵ и др.), в которых подчеркивается, что люди обычно транслируют свои воспоминания в обществе, во взаимодействии с другими они вспоминают, распознают и упорядочивают свои воспоминания. В зарубежной и отечественной психологии широко развивается направление *memory studies*, т.е., изучение функционирования памяти. Распространенный понятийный конструкт совмещает чувственный образ, его социально обусловленное значение и личностный смысл. Под автобиографической памятью понимается «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, которым определяется самоидентичность личности как уникального, тождественного самому себе психологического субъекта»⁴⁶. Из недавних экспериментальных исследований памяти (Тулвинг, Маркович, Гриффит и др.⁴⁷) явствует, что человеческая способность вспоминать свидетельства составлена из семантической памяти и эпизодической памяти (Markowitsch H.J. 2000). Автобиографический опыт, согласно Тулвингу, кодируется именно в эпизодической памяти. Последняя удерживает в пространственно-временном

⁴² Хальбвакс М. Социальные рамки памяти /Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

⁴³ Нора П. Поколение как место памяти // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2(30).С.48-72.

⁴⁴ Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // *Цепь времен: Проблемы исторического сознания* /Ред. Л.П.Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С.38-62.

⁴⁵ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

⁴⁶ Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во Университета РАО, 2000.

⁴⁷ Tulving, E. Episodic and semantic memory // E. Tulving and W. Donaldson (Eds.), *Organization of Memory*. New York: Academic Press, 1972. P. 381-402. Markowitsch H.J. Die Erinnerung von Zeitzeugen aus der Sicht der Gedächtnisforschung // *BIOS. Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History*, Heft 1/2000. S.30-50. Griffith J. S. *A View of the Brain*, Oxford, 1967.

контексте связанные биографические эпизоды, которые позволяют «путешествовать» во времени (как правило, в прошлое), ее природа часто аффективна, но именно через семантическую память информация закрепляется в памяти субъекта. Это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических требования: «реабилитацию» субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее-пережитое-рассказанное.

Одним из важнейших предметов анализа в диссертации является процесс идентификации индивида. Авто/биография представляет собой как преемственные, так и оборванные идентификационные проекты, стартующие и завершённые социальные опыты. Теоретическое обоснование этого содержится в современных теориях идентичности Х.Койпа, Й.Штрауба⁴⁸ социально конструктивистской и интеракционистской направленности. В них идентичность понимается не в форме стабильного и описываемого результата развития, завершаемого с вхождением во взрослое состояние, не как монолитный и онтологизируемый блок, а как открытый процесс длиной в жизнь, полицентричный и фрактальный, как *patchwork*.

В традиции философского анализа *нарративная идентичность* - это прежде всего темпоральная конструкция идентичности как *эмплотмента*⁴⁹ (Х.Уайт⁵⁰, П.Рикер⁵¹, Д.Карр⁵², Г.А.М.Виддерсховен⁵³). Рассказывание здесь - средство для понимания человеком своей временности и способ придания

⁴⁸ Keupp H., Ahbe T., Gmuer W., Hofer R. u.a. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. Hamburg: Rowolt, 1999.

⁴⁹ Эмплотмент - сюжетосложение, термин, введенный Х.Уайтом.

⁵⁰ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ., под редакцией Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

⁵¹ Ricoeur P. Narrative Identity // D.Wood (Ed.). On Paul Ricoeur. Narrative and Interpretation. London, New York: Routledge, 1990.

⁵² Carr D. Time, narrative and history. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

⁵³ Widdershoven G.A.M. The story of life. Hermeneutic perspectives on the relationship between narrative and life history // R.Josselson & A.Lieblich (Eds). The narrative study of lives (Vol.1). Newbury Park: Sage, 1993. P.1-20.

смысла жизненному пути. Т.Сэрбин⁵⁴ формулирует «нарративный принцип», согласно которому темпорально члененное и структурированное по смыслу упорядочение опыта превращается в plot (сюжет) через цель и функции рассказывания в ситуации коммуникации. В социологическом подходе М.Зоммерса⁵⁵ описывается нарративная идентичность как погружение в заданный «социальный нарратив», в котором акторы обживаются, социализируются, придают формы своим пережитым опытам.

Также рассматриваются концепции биографического интервьюирования и анализа, предложенные Ф.Шютце⁵⁶ и Г. Розенталь⁵⁷, которые мы принимаем с ограничениями.

Эмпирическая база – исследования, которые проводились автором, начиная с середины 90-х годов. Был предпринят глубинный интра-биографический анализ 7-ми биографических кейсов, а также интер-биографический анализ двух целевых выборок – историй жизни остарбайтеров (30 биографий), а также мужчин - представителей среднего класса и рабочего

⁵⁴ Sarbin T. The poetics of identity // *Theory & Psychology*, 7, 1997. P.67-82.

⁵⁵ Somers M.R. The narrative constitution of identity: a relational and network approach. // *Theory and society*, 23, 1994. P.605-649.

⁵⁶ Schütze F. Zur Hervorlockung und Analyse von Erzählungen thematisch relevanter Geschichten im Rahmen soziologischer Feldforschung, dargestellt in einem Projekt zur Erforschung von kommunalen Machtstrukturen // Arbeitsgruppe Bielefelder Soziologen, Kommunikative Sozialforschung. Muenchen: Fink, 1976. S.159- 260..

⁵⁶ Schuetze F. Zur linguistischen und soziologischen Analyse von Erzaehlungen // Internationales Jahrbuch fuer Wissens- und Religionsoziologie, Bd.10, Opladen: Westdeutscher Verlag, 1976. S.7-41.

⁵⁶ Schütze F. Prozeßstrukturen des Lebenslaufs // J. Matthes, A. Pfeifenberger & M. Stosberg (Eds.), Biographie in handlungswissenschaftlicher Perspektive. Nürnberg: Verlag der Nürnberger Forschungsvereinigung, 1981. S.67-156.

⁵⁶ Schuetze F. Biographieforschung und narrative Interview // *Neue Praxis*, 3, 1983. S.283-293.

⁵⁶ Schuetze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens // Kohli M., Robert G. (Hgs). Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler, 1984. S.78-117.

⁵⁷ Rosenthal G. Erlebte und erzaehlte Lebensgeschichte. Frankfurt: Campus, 1995.

⁵⁷ Rosenthal G. "... wenn alles in Scherben faellt ...". Von Leben und Sinnwelt der Kriegsgeneration. Typen biographischer Wandlungen. Opladen: Leske + Budrich, 1987.

⁵⁷ Rosenthal G. The narrated life story: on the interrelation between experience, memory and narration // K. Milnes, C. Horrocks, N. Kelly, B. Roberts, and D. Robinson, (Eds), Narrative, memory and knowledge: Representations, aesthetics and contexts. Huddersfield: University of Huddersfield Press, 2006. P.1-16.

класса на заводе и на фирме (20 биографий). Также были проанализированы первичные данные опроса "Ваша биография", проведенного Фондом "Общественное мнение" в 2001 году в 27 городах России с репрезентативной выборкой из 640 респондентов.

Научная новизна

1. Осуществлен критический анализ различных концепций биографики и определены парадигмальные границы между исследованиями социологии жизненного пути, психологической биографикой, устной историей и социологией памяти. Критически рассмотрены и выявлены методологические ограничения концепций Ф.Шютце и Г.Розенталь относительно биографического интервьюирования и анализа.
2. Сформулировано социологическое понимание феномена современной биографии как совмещающей процессы институционализации и индивидуализации.
3. Предложена концепция нарративной идентичности, порождаемой в процессе коммуникации в интервью и методологические инструменты исследования этого феномена.
4. Концептуализированы меры по обеспечению качества биографических данных.
5. Разработан подход к использованию визуальных материалов в биографическом исследовании и предложена методика их анализа.
6. Продемонстрирована эмпирическая реконструкция нарративной идентичности на примере различных биографий, тематизирующих социальную, политическую, гендерную, этническую, возрастную, травмированную, субкультурную идентификацию.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

1. Через разные формы биографий современные общества решают важные проблемы социальной интеграции. Биография - платформа, на которой индивид, частично принадлежащий ко многим социальным подсистемам, будучи исключенным как **целостный** индивид, собирает разрозненные опыты в единое целое, постоянно создавая и воспроизводя социальный порядок.
2. Социологический анализ биографий связан с выявлением социально обусловленных биографических паттернов, нарративной формы упорядочения социального опыта в биографиях, придания им связности.
3. Биографический нарратив оформляет идентичность рассказчика непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное изображение и производство ситуативно релевантных аспектов своей идентичности. Это локальная и прагматически адекватная идентичность, которая формируется и предъявляется посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.
4. Эмпирическое исследование нарративной идентичности предполагает фиксацию синдрома трех составляющих: 1) темпорального подхода, что находит отражение в принципе секвенционального анализа биографических текстов, 2) социального подхода и 3) саморефлексивного, что находит отражение в Я-концепции рассказчика. Обоснованность этих трех аспектов нарративной идентичности - результат анализа прагматичных возможностей, структуры выбора и интересов рассказчика («биографанта»).
5. Интерпретация на уровне **интра-биографических** процессов основана на отборе отдельных сегментов истории жизни или биографии или

независимых, но тематически определенных частях автобиографического повествования. Основное внимание уделяется расхождению между реконструкцией последовательности событий в жизненном пути биографанта и его нарративным рассказом об этом пути. Интерпретация на уровне биографии как целого фокусируется на взаимосвязях структурированного жизненного опыта.

6. Интерпретация на уровне **интер-биографических** процессов связана с различными биографическими текстами в выборке случаев и применима к каждой биографии в целом или к ее отдельным сегментам, а также кросс-биографически. В центре внимания исследователя - критический анализ коллективного опыта взаимоотношений, коллективной интерпретации исторических событий и социальных изменений, а также анализ динамики взаимоотношений между индивидуальным и коллективным опытом членов социальной группы.
7. Нарративная идентичность и биография обладают важной общей характеристикой - связностью/когерентностью, понимаемой как создание связного образа на основе автобиографических воспоминаний и биографической ретроспективы на собственное прошлое. Но дискуссионным является сам вопрос о недостатке связности биографии - это симптом дефицитарной идентичности или одна из характеристик постмодерна.
8. В рассмотренных концепциях биографического исследования (Ф.Шютце, Г.Розенталь) обнаруживаются завышенные методологические притязания на снятие различий между опытом и рассказом, что фактически приводит к конвергенции этих категорий. Но, если биографант говорит о своей *прошедшей* жизни, речь идет о нарративной репрезентации прошедших событий, которая в то же время является отражением рефлексии носителя биографии относительно самого себя.

9. Проблему качества/валидности биографического исследования мы рассматриваем процессуально: на уровне формулировки вопросов интервьюируемому; организации сбора данных; интерпретации данных. Валидность биографического анализа будет зависеть от того, насколько удалось приблизиться к конструктам здравого смысла респондентов и на их основе воспроизвести повседневные структуры или правила понимания. Соответственно надежность биографического анализа связана с обнаружением воспроизводимости исследованных процессуальных структур биографии (приближение к объективной герменевтике по У.Оверманну), а также с целостным анализом повседневных паттернов коммуникации биографанта. Предложено аналитическое правило триангуляции: воспроизводимость как минимум трех секвенциально воспоследовавших структур биографического опыта.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы

Научно-теоретическая значимость работы состоит в обосновании собственно социологического подхода к анализу биографии индивидов в микро-макро социальном контексте и в разработке достаточно надежного исследовательского инструментария, что может рассматриваться как существенный вклад в становление и развитие особого направления отечественной социологии - «социологической биографики» в отличие от биографики в психологии, истории и других гуманитарных науках.

Практическая значимость работы заключается в разработке концептуального аппарата, методологии и инструментария исследования в данной предметной области, что нашло воплощение в ряде проектов: «Устная женская история. Россия переходного периода» (2002-2003), «Жизненные истории угнанных в Германию во время Второй мировой войны на

принудительный труд» (2005 -2006), «Историческая память поколений как механизм социализации и социальной идентификации: сравнение России и Польши» (2009-2011), «Социологический подход к изучению исторической памяти: социальные институты. Актеры и политики меморизации» (2012-2014).

Апробация диссертационного исследования

Основные положения диссертации отражены в 51 работе автора общим объемом 50 п.л. Полученные результаты также были представлены на ряде отечественных и зарубежных конференций:

1. 6-8.04.2010 г. Москва, ГУ-ВШЭ XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества; 03.06.2010 г. Москва, Польско-российский семинар, посвященный проблемам коллективной памяти и практикам меморизации в рамках проекта "Историческая память как фактор социализации и идентификации: сравнение России и Польши" ИС РАН;
2. 04-05.02.2011 г. Москва, Московская высшая школа социальных и экономических наук и Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр) Восемнадцатый ежегодный международный симпозиум "Пути России. Историзация социального опыта ";
3. 22.02.2011 г. Москва, V научно-практическая конференция памяти А.О.Крыштановского «Социологические методы в современной исследовательской практике» НИУ ВШЭ;
4. 5-7.04.2011 г. Москва, XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ; 6.06. 2011 г. Москва, конференция «Дискурсивные стратегии социальной памяти» ИС РАН и ГАУГН;
5. 1-15.07.2011 г. Москва - Воскресенск, конференция «Трансформации маскулинности в XXI веке: глобальные вызовы, нормативные ожидания,

- статусные противоречия» НИУ ВШЭ, Самарский центр гендерных исследований, Фонд им. Генриха Белля, Институт Открытое Общество;
6. 7-10.09.2011 г. Женева, X конгресс европейской социологической ассоциации «Социальные отношения в турбулентное время»;
 7. 02.2012 г. Москва, VI научно-практическая конференция памяти А.О.Крыштановского, НИУ ВШЭ;
 8. 04.2012 г. Москва, XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ;
 9. 08.2012 г. Буэнос Айрес, Второй форум Международной социологической ассоциации «Социальная справедливость и демократизация».

Результаты исследования ежегодно использовались при чтении лекций по качественным методам в Центре социологического образования ИС РАН, в курсе по биографическому методу в программе бакалавриата социологического факультета ГАУГН, курса по биографическому методу в магистратуре факультета социологии НИУ ВШЭ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, глоссария и библиографии.

II. Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, освещается степень ее разработанности, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи, характеризуется теоретико-методологические основы и эмпирическая база исследования, раскрывается научная новизна работы, формулируются положения, выносимые на защиту, обосновывается теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «От жизненного пути к биографии», состоящей из семи параграфов, анализируются концепции Биографического как диалектика индивидуализации и интеграции в институциональные структуры.

В §1 первой главы «Предыстория биографического метода: значимые вехи качественных эмпирических исследований» реконструируются методологические и методические уроки крупных качественных исследований, оказавших влияние на социологическую биографику.

Как свидетельствует история социологии, биографии привлекли внимание концептуально и эмпирически те парадигмы, которые сосредоточены на феноменолого - интерпретативных направлениях. Предыстория биографического метода связана с 20-ми годами XX века Чикагской школы в США, а также биографическими конкурсами в Польше, психологией развития в Австрии. В принадлежности к американской школе социальных исследований могут быть названы также примеры качественных междисциплинарных исследований середины и второй половины XX века, уроки которых вбирает дискурс биографических исследований. Это мега-проекты Хотторнских экспериментов Ф.Ротлизбергера и В.Диксона; исследования мотивации Мак-Клеланда; исследования на Бали М.Мид и Г.Батсона; исследования авторитарной личности Т.Адорно. Ренессанс биографических исследований в 80-е и 90-е годы после заката Чикагской школы уже не сопряжен с прежним рессентиментом, поскольку последователи биографического метода вынуждены прилагать больше усилий для его методологического обоснования. В целом, социологическая биографика наследует теоретическим усилиям социологии жизненного пути, в рамках которой самостоятельно выросла исследовательская потребность в присоединении реабилитированной субъективности и расширенном понимании социализационных процессов.

В § 2 первой главы «Жизненный путь и биография: понятийное размежевание» рассматривается социологический ракурс конструкта жизненного пути, который связан с выделением элементов, из которых складывается социальность, а также вниманием к структурам упорядоченной повседневности. Автор показывает, что интерес к жизненному опыту индивида, вобравшему интернализированную социальную историю, был распространен на концепцию жизни в целом, на биографию. Так, в развитие социологии жизненного пути стал складываться дискурс биографических исследований, которые стимулировали интерпретативный жанр тематического описания личности, позволяющий организовать жизнь во временном аспекте, а также в плане участия в различных социальных институтах.

В § 3 первой главы «Биография и проблемы идентичности» описывается тенденция современного общества в отличие от традиционного, которая представляет собой процесс перехода от до-модерных социальных дифференциаций (сословия, классы и социальные группы) к функциональным дифференциациям по таким институциональным сферам как политика, право, экономика, наука, образование, здравоохранение и т.д. В ходе этого процесса индивиду как целостному субъекту сложнее вписываться в определенный сегмент или страту в обществе. От функционально фрагментированного индивида требуется одновременное участие в различных институциональных режимах. Практическим результатом стала растущая социальная институционализация и индивидуализация, что породило социальный порядок, основными характеристиками которого являются амбивалентность и неопределенность. Обосновывается утверждение, что объединительной платформой является биография, которую можно представить как интерпретативный жанр тематического самоописания личности, который позволяет упорядочить жизнь во временной протяженности, а также в плане участия в практиках различных социальных институтов.

В § 4 первой главы «Психологическая биографика» рассматривается вклад, который внесла психология в изучение истории жизни под своим дисциплинарным углом зрения, проводится различие собственно социологического биографического исследования, биографических методов в психологической диагностике и биографического метода как исследовательского направления в психологии. Сопоставляя психологическую биографику и биографические исследования в социологии, автор подчеркивает эвристическую значимость одного из методологических положений психологии развития, которое заключается в понимании измеряемой биографической ситуации не как единого целого или события, а как места в цепи событий, даже если имеет место только один момент измерения. То есть, темпоральность развития, будь то опыт, действия, понятия, мотивы и т.д., изучается как структурированный во времени ансамбль.

В § 5 первой главы «Биография и Устная история» раскрывается связь биографии с индивидуализированным процессом присвоения/освоения коллективной истории. Речь об исследовании людей в истории и их способе обращения с историей, то есть вспоминать, означать, понимать. Историческое сознание означает в этом контексте синхронию переработки истории, интеграцию биографического самовосприятия и самоописания в коллективную историю как результат превращения пережитой истории в означенное переживание. Реконструкция исторического переживания происходит в воспоминании как модальной форме интернализованной переработки истории.

В § 6 первой главы «Биографическая память: между индивидуальным и социальным» рассматривается способность человека вспоминать жизненные события благодаря семантической памяти и памяти эпизодической. Автобиографический опыт, согласно Е.Тульвингу, кодируется именно в

эпизодической памяти, которая удерживает контекстуально (во времени и пространстве) взаимосвязанные биографические эпизоды, позволяющие путешествовать во времени (как правило, в прошлое), ее природа часто аффективна. Поскольку именно через семантическую память информация закладывается на хранение, это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических императива: «реабилитацию» субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее-пережитое-рассказанное. Внимание исследователя переключается с сомнения в правдивости рассказа на анализ направления преобразований запомненного события.

Социологический интерес к феномену памяти продиктован поиском механизмов, порождающих и поддерживающих социальность. Память о прошлом необходима для социального взаимодействия, поскольку она, в качестве культурно-обработанного продукта, закладывается в представление о «должном» характере социального действия. Как ресурс социального взаимодействия, память подпитывает его информационно, конструирует значения для настоящего, вызывает эмоции и сопереживания и, наконец, косвенно, через социально-политические институты, обеспечивает социальную идентификацию.

В § 7 первой главы «Гендерные особенности воспоминаний» обосновывается вывод из аналитически сопоставляемых исследовательских данных, согласно которому воспоминания мужчин и женщин существенно различаются. Экспериментально доказано, что женщины, как правило, запоминают больше эмоциональной информации, чем мужчины; женщины также преимущественно склонны вспоминать в режиме хроники их собственного жизненного опыта, а также отслеживать жизненный опыт значимых других; мужчины более ориентированы в автобиографическом

воспоминании на будущее, чем женщины; воспоминания мужчин более дифференцированы и менее интегрированы по когнитивному стилю; в памяти как о повседневности, так и о драматических опытах, женщины в большей степени сосредоточены на трансляции межличностных взаимодействий, чем мужчины.

Социологический анализ гендеризованных воспоминаний следует иной эпистемологической логике, принимая во внимание содержание рассказанного автобиографического события, повседневную практику социальных взаимодействий стратифицированных по полу индивидов, которые типизированы в интерактивных конструкциях «*Я-в-отношениях*» (у женщин) и «*Индивидуализированное Я*» (у мужчин). Гендер, вместе с этничностью и классом, предоставляет средства, с помощью которых культурная память помещена в определенный контекст. Кроме того, гендер является неизбежным аспектом отношений власти и культурной памяти, привнося сюжет различия и оспаривания доминирующих интерпретаций. Что культура помнит, и то, что она хочет забыть, неразрывно связаны с вопросами власти и господства, и, следовательно, гендера.

Во второй главе «Нарративная идентичность в биографическом интервью», состоящей из четырех параграфов, биография рассматривается с точки зрения ее двойной структуры. Первая является следствием институциональных практик, формирующих типичные биографии. Вторая структура связана с Я-концепцией ее носителя и поэтому обременена предварительным, до вмешательства социолога, смыслопроизводством. Эта естественная прединтерпретированность социального мира, заключенного в рамки биографии как истории жизни некоего актора, создает биографическую иллюзию о совмещении предмета и метода, о непроблематичном доступе к смысловому горизонту жизненного мира, что критически рассматривается автором. Предлагаемая диссертанткой попытка построения концептуальной

модели представляет собой ступень к обоснованию *нарративной идентичности* как результата коммуникативного процесса в интервью. Это предполагает последовательный отказ от онтологического статуса идентичности, производимой в рамках нарративного биографического интервью, и переориентирует в направлении осмысления нарративных усилий рассказчика как упорядочивание в процессе беседы своего жизненного опыта путем преодоления несвязных между собой биографических событий.

В §1 второй главы «Нарративная модель: от события к наррации» рассматривается специфика нарративного текста, обладающего темпоральной структурой и излагающего некую историю, подразумевающую событие. Под событием понимается «перемещение персонажа через границу семантического поля»⁵⁸, а в качестве *признаков событийности*: его *фактичность* или реальность; результативность, включая *релевантность*, *непредсказуемость*, *консекутивность* (как прозрение, перемена взглядов), *необратимость*, *неповторяемость*⁵⁹. Тем самым структуралистское понимание событийности включает в нарративные тексты событийно-динамические процессы в отличие от описательных текстов, транслирующих статическое состояние или циклические, рутинно повторяемые процессы, классификации, типологии, рассматриваемую среду. Автор солидарна с позицией Е.Трубиной и Т.Шуман по де-онтологизации события, согласно которой событие рассматривается как герменевтический конструкт для преобразования недифференцированного континуума сырых данных опыта или воображения в вербальные структуры, которые мы используем для того, чтобы говорить об опыте. Рассказывая свою жизнь, собеседник создает (или соучаствует в создании) формата, посредством которого распознает в своей жизни то, что вне такой формы бы не увидел.

⁵⁸ Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. - М.: Изд-во «Искусство», 1970. С.282.

⁵⁹ Шмид, В. Нарратология. - М.: Языки славянской культуры, 2003. С.16-18.

В § 2 второй главы «Условия понимания в автобиографическом рассказывании» последовательно рассматриваются условия, при которых может состояться понимание рассказчика слушателем в процессе интервьюирования. Главным признаком рассказывания является здесь вербальное отображение изменений во времени. Временная последовательность событий в тексте рассказа становится *историей* или *плотом (plot)*, обладающим смысловым порядком. Соответственно *emplotment* - перевод последовательности жизненных событий в события истории, центром которой всегда - событие, приводящее к изменениям (необычному, неожиданному, дестабилизирующему, что нарушает нормальный ход вещей). Плот поддерживает связность и создает значимый порядок элементов истории через способ их связи предпринимаемый рассказчиком. Усилия рассказчика по созданию структуры повествования обнаруживаются благодаря операциям *сегментирования* потока событий, *селекции* их элементов, их *линеаризации* в предложения, следующие одно за другим, и приписывания значений.

В § 3 второй главы «Нарративная идентичность» представлена авторская концепция нарративной идентичности. Нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное изображение и производство ситуативно релевантных аспектов своей идентичности. «Именно благодаря сходству структуры действия, производимого индивидом, и структуры нарратива мы обычно можем объяснить действие, рассказывая о нем историю»⁶⁰. Но логика подобия обязывает к ограничениям: это локальная и прагматически релевантная идентичность, которая формируется и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.

⁶⁰ Carr, D. Narrative Explanation and its Malcontents // *History and Theory*. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 29.

В § 4 второй главы «Связность/когерентность (авто) биографии»

рассматривается связность/когерентность нарративной идентичности и биографии, понимаемая как создание непротиворечивого целостного образа «Я» на основе автобиографических воспоминаний и биографической ретроспективы. Эта связность принадлежит к числу *социализируемых компетенций* (темпоральная непрерывность, синхронная плотность рассказа), предполагающих сложную работу по воспоминанию и рефлексии. Чаще под *когерентностью* понимается либо достигнутая идентичность в биографии, либо формообразующий принцип истории жизни до рассказа о ней. Когерентность может пониматься как на локально-текстуальном, так и на уровне биографии в целом. Под *локальной когерентностью* понимается причинно-следственная взаимосвязь между предложениями внутри секвенций как смысловых единиц текста и аргументами. *Глобальная когерентность* биографии в целом – это способность совмещения в когерентный образ или гештальт автобиографических воспоминаний и биографической ретроспективы. Данная компетенция является результатом социализации и взросления.

В третьей главе «Концепции нарративного интервью: Ф.Шютце, Г.Розенталь», состоящей из четырех параграфов, анализируются исследовательские стратегии, которые претендуют на обнаружение скрытой динамики влияющих на биографанта социальных структур и процессов. Процесс смыслопорождающей редукции сложности окружающего мира можно рассматривать как структурирование, на понимание которого нацелен интерпретативный анализ. Проблема интерпретации структурирования заключается в том, что структуры латентны, они являются символическими отношениями, структуры виртуальны, поскольку они не воплощают феномены, а репрезентируют возможности их выражения, структуры длятся, их временная протяженность не равномерна, на абстрактном уровне структуры представляют

собой принципы порядка, благодаря которым они могут воспроизводиться и подтверждаться через события.

Отсюда следует специфика требований к глубинным интервью – интерпретативность, открытость, процессуальность, контекстуальность, рефлексивность, экспликация пошаговой исследовательской активности и обеспечение валидности данных.

В § 1 третьей главы «Биографическое исследование как процесс принятия решений» рассматривается поэтапная исследовательская стратегия, которая реализуется не только в социологической биографике, но и в любом качественном проекте. Диссертантка выделяет следующие стадии исследовательского процесса: приближение к объекту исследования, выбор и обоснование теоретических предпосылок и предмета исследования, постановка вопроса и определение его границ, приближение к полю как проблематика выбора роли исследователя в поле, разработка методов сбора данных, регистрация данных, транскрибирование, интерпретация данных и обобщение, их оценка. Подробно рассматриваются проблема обоснования объема выборки, способов сбора информации, методов оценки.

В § 2 третьей главы «Ф. Шютце и его концепция процессуальных кривых и нарративного интервью» критически анализируется концепция процессуальных кривых и предложенный Ф.Шютце принцип гомологии пережитого рассказанному. В его версии биографическая идентичность сводима как к собственной активности субъекта, так и к внешним факторам, и остается неясным, как возникает субъективность, какую роль играют социальные отношения, когда различные индивиды приобретают различные субъективности. Обосновывается необходимость методологического пересмотра названных положений, поскольку посылки гомологии пережитого - рассказанному открывают путь к онтологизации событийного ряда биографии.

Автору близка позиция де-онтологизации, в рамках которой событие рассматривается как герменевтический конструкт, выстраиваемый рассказчиком в нарративе на основе данных из опыта или воображения и превращаемый в вербальные структуры с целью оречевления и осмысления опыта. Речь не идет о гомологии и сближении рассказа с реферируемой реальностью, для анализа нарративной идентичности биография рассматривается как медиум самопрезентации, в котором она работает, с одной стороны, и как хронологический лейтмотив, с другой, создает «нарративную среду рефлексии» через отсылки ко времени, действию, событиям.

В § 3 третьей главы «Г.Розенталь и ее версия биографическо-нарративного интервью» критически анализируется пост-шютцевская версия биографическо-нарративного интервью, которая была предложена Р. Розенталь, с учетом концептуальных новшеств, которые коснулись, в основном, схемы самого интервьюирования и оценивания.

В фокусе критического рассмотрения - категории пережитого и рассказанного времени у Г.Розенталь, хотя де факто она использует трехтактное различие - **пережитое время, рассказанное время и время рассказа**. Модель биографического исследования по Г.Розенталь достаточно противоречива, а предпринятое ею совмещение феноменологии и объективной герменевтики представляется дуалистичным, поскольку, с феноменологической точки зрения, рассказанное время уже является пережитым временем, а обращение к объективной герменевтике предполагает прояснение пережитого времени относительно референта переживания, то есть, реальных событий. Предлагаемое диссертанткой решение заключается в том, что социологический анализ биографии связан с фокусом внимания на проговариваемой истории жизни, но тогда вместо запомнившегося времени на авансцену выдвигается рассказанное время в качестве методически единственно доступного времени, которое весьма опосредованно связано с рассказанным воспоминанием.

В § 4 третьей главы «Валидность или качество качественных исследований» подчеркивается важность рассмотрения проблемы качества как динамического процесса, в котором качество возможно обеспечить на каждом этапе процесса исследования. Исследовательский процесс концептуально рассматривается по частям, решая задачу, прежде всего, внутренней валидности: на уровне разработки вопроса исследования; сбора данных; анализа данных, а также интерпретации. Валидность биографического анализа будет зависеть от того, насколько методически удалось приблизиться к конструктам здравого смысла респондентов и на их основе реконструировать повседневные структуры или правила понимания. Соответственно надежность биографического анализа будет связана с обнаружением воспроизводимости исследованных процессуальных структур биографии (приближение к объективной герменевтике в версии У.Оверманна), а также с систематизированным анализом повседневных паттернов коммуникации биографанта. Диссертантка формулирует правило триангуляции для анализа биографий – *воспроизводимость как минимум трех секвенциально воспоследовавших структур биографического опыта.*

В четвертой главе «Визуальные документы в контексте биографического исследования», состоящей из двух параграфов, обосновывается перспектива вовлечения визуальных данных различного происхождения – личные любительские фотографии, фотографии на документы, коллективные фотографии, видеосъемка личных событий жизни, фотографии личного пространства респондентов, их фотоколлажи и т.д..

В § 1 четвертой главы «Фотоальбом как визуализация биографии» разведены две стратегии: иллюстративности и автономии. Первая выполняет функцию подготовки респондента, настраивающегося на биографический

рассказ, предлагают нарисовать генеалогическое древо, прописать визуальную систему родства, а также достать и прокомментировать семейные фотографии, чаще хранящиеся в семейном альбоме. Вторая стратегия основана на анализе видеодокументов и фотографий, которые при этом могут получить нарративный комментарий со сторон рассказчика, и вместе с тем обнаруживают собственную логику визуального анализа. Последняя связана с характером соотношения визуального изображения и реальности: от фотографического отображения, копии, знака, средства коммуникации до полной фальсификации, замещения, изобретения нереального, что представляется в равной степени социологически релевантным, несмотря на кажущийся монопольным социальный заказ на «реальное» отображение социальной реальности.

В § 2 четвертой главы «Анализ визуального изображения» предложена и эмпирически продемонстрирована методика пошагового секвенциального анализа визуального документа в следующей последовательности: изолируется первая секвенция в анализируемом визуальном документе и деконтекстуализируется; затем в соответствии с объективной герменевтикой осуществляется поиск «нормального» контекста для изолированной секвенции (как возможный контекст социального действия; далее гипостазируются возможные прагматичные контексты действия, из которых по правилу экономности и простоты выбирается предпочтительный вариант. Затем переходят к следующей секвенции с теми же аналитическими операциями. Но на этом этапе уже возможно сравнение с нормальным контекстом предыдущей секвенции и выдвижение гипотезы в случае их противоречия. В итоге реконструируется структура отдельного случая, претендующая на объективное содержание значений.

В пятой главе «Методология и процедуры интра- и интербиографического анализа идентичности в биографиях», состоящей из

9 параграфов, рассмотренные в предыдущих главах концептуальные основы социологической биографики реализуются в серии эмпирических кейсов, свидетельствующих о многообразии нарративной идентичности биографантов.

В § 1 пятой главы «Политическая биография: «Президентом мне не быть»» анализируется интервью на тему политической карьеры, в котором информант значимо пренебрегла нарративной формой рассказывания и селективно отобрала лишь те события и интерпретации своей жизни, которые могут быть отнесены к особой форме идентичности – политической. В этом кейсе проживаемая политическая реальность выглядит как жесткая борьба за свое место на политической сцене, неуклонное карьерное продвижение наверх, перемежаемое опытами неудач, и, как итог, закрепление своего положения в определенном сегменте политического поля и обозначение видимого предела для дальнейшего продвижения. Но на уровне производства смысла и оправдания действия рассказчицей предлагается сознательно осуществляемый выбор в пользу «свободы», креатива, роли посредника между корпоративными интересами, над политическими партиями. Фактически отказ от карьеры происходит тогда, когда наметился ее видимый предел.

В § 2 пятой главы «Этно-культурная и социальная идентичность: «Из благородной немецкой семьи с баронским прошлым»» наш интерес к биографии продиктован в том числе желанием понять, как человек во время распада СССР и суверенизации бывших советских республик создает новые значения своей жизни, как разрозненные и не конвенциональные действия биографанта складываются в осмысленную мозаику новой идентичности. Благодаря каким «правилам игры» люди формируют свои индивидуальные стратегии жизни, конструируют свои приемы адаптации в изменившейся социальной ситуации? Каковы внутренние механизмы этих жизненных стратегий, которые приводят к социальной адаптации в новом институциональном пространстве? На эти

вопросы диссертантка ищет ответы при анализе биографии остзейской баронессы, в советском прошлом - закройщицы.

В § 3 пятой главы «Субкультурный опыт в биографии: «Я всегда «влезала» не туда, куда надо, и всегда знакоилась не с тем, с кем надо»» исследуется, каким образом можно тематизировать тело или телесность с помощью биографического интервью? Можно ли уловить этим инструментом что-то, кроме редкого упоминания о теле? Нарративна ли, рассказываема ли телесность? Показано, что в биографии ощутимо задействовано меняющееся тело подростка, интерес к которому проявлен, постольку биографант упоминает в своих социализационных опытах телесные практики, субкультурные режимы телесности и переживания по поводу ситуаций телесного развития.

В § 4 пятой главы «Гендерные ловушки в биографии: «Я была домашним, дворовым ребенком»» демонстрируется выбор стратегии анализа в отношении биографии на принципах качественного кодирования в рамках обоснованной теории Глэзера и Страуса, который помогает сформулировать основные тематизации и на их основе сам исследовательский вопрос. Развернутая аналитика этого случая построена на последовательном решении вопросов: секвенцировании основного рассказа по сегментам, имеющим характер законченных эпизодов или отдельных тем-сообщений, их кодировании; затем на уровне «понимающего» прочтения увязывание близких по смыслу эпизодов, обнаружение связей и противоречий происходившего и, наконец, соединение в общей объяснительной гипотезе динамики рассмотренного случая.

В § 5 пятой главы «Болезнь и травма в биографии: «Я, по сути, воспроизвожу в танце свои переживания»» биография анализируется в попытках найти параллели между опытом пережитого и телесными

объективациями, обосновать гипотезу о функциональном для нашей рассказчицы обращении к импровизационному танцу (данс-модерн) как своего рода арт-терапии, интуитивно найденному способу компенсации травмирующих переживаний и опыта (страх смерти, онкологическое заболевание). Проведены параллели между тематизациями биографического рассказа и сюжетосложением, телесным языком танцевального перформанса рассказчицы.

В § 6 пятой главы «Биографический опыт репрессий: «Мои родители жили с этим страхом всю свою жизнь»» сделана попытка осмыслить автобиографическое повествование в контексте социально-исторических трансформаций, андиганских погромов в раннее постсоветское время, пробудивших волну ксенофобских настроений. Этот фрейм актуализации социально-исторического фона стал доминирующим в рассказе, описывающем жизненные перипетии целого крымско-татарского клана. В поисках структур коллективного опыта наше внимание привлекут отфильтрованные из основного текста два корпуса информации, которые облечены в форму «стратегий совладания»: культурно специфический опыт представителей определенной этнической группы и опыт репрессированных. На главный вопрос идентичности – Кто я такая? - рассказчица отвечает гомологией ею пережитого этнического погрома тем этническим и социальным чисткам, которые пережили ее родные.

В § 7 пятой главы «Маскулинная идентичность на уровне индивидуальной и групповой биографии» показано, как повседневные практики интеракции «уплотняются» в структуры, которые воспроизводятся и институционализируются через повседневное взаимодействие мужчин и женщин, как в этой практике выкристаллизовываются биографические процессуальные структуры мужчин. Пол становится тем ресурсом, на основе

которого выстраиваются стратегии выхода из семейного, профессионального и т.д. кризиса («Смогу ли я как мужик?»). Осуществляется сравнение нарративов мужчин из различных социальных групп, при котором представители среднего класса более, чем представители рабочих профессий, склонны к идеологическим представлениям о предназначении женщины, нагруженным патриархатными стереотипами. Именно отталкиваясь от них, делаются попытки формулировать смысл маскулинности: ответственность за семью и близких. Это сложный реляционный комплекс, требующий для своего прояснения связи со значимыми Другими, прежде всего женщинами. Рабочие о предназначении мужчины говорят в прагматичном ключе - как о решении конкретных задач выживания в трудное социальное время, их маскулинный хабитус даже выглядит не таким патриархатным, как ожидалось от представителей традиционной гендерной культуры.

В § 8 пятой главы «Война в биографии: «Никому я не рассказывала, что я была в Германии»» представлены биографические интервью с угнанными на работу в Германию советскими гражданами. В фокусе нашего исследовательского интереса находились три категории подневольных работников: представители гражданского населения, угнанные в Германию на принудительные работы с оккупированных территорий, военные, попавшие в плен, а также граждане, которые вынуждены были работать в оккупации.

Требовалось отнестись к историям жизни наших биографантов не только как к историческому свидетельству, но и как некогерентному повествованию, содержащему разрывы и компенсаторно упорядоченному. Рассказчики прилагают усилия для преодоления травмы-стигмы, ощущаемой и частично осознаваемой как отклонение от поколенческой биографической нормы. Этот своеобразный ремонт биографий может быть прослежен на двух уровнях – в плоскости реконструируемых стратегий нормализации жизненного пути, приведения их к норме биографии, а также в плоскости самого рассказа как нарративные стратегии представления событий жизни.

В § 9 пятой главы «Сочетание количественного и качественного подхода: типизированная биография мужчин и женщин» анализируются типовые особенности российской биографии, раскрываемые на основе сочетания количественного и качественного подходов. Преимущество репрезентативного опроса накладывается на определенные, весьма ограниченные здесь возможности биографического качественного метода. Здесь была использована и количественная логика, выявляющая распространенность обнаруженных в ходе качественного анализа кодов. В чем заведомая ущербность применения биографического метода в данном случае: мы лишены возможности «вырастить» в процессе интеракции секвенциально упорядоченное наложение пережитого опыта, которое осуществляет наш респондент в манере нарративного интервьюирования. Тем не менее, и такие методически ограниченные возможности создают в сочетании биографических данных с возможностями репрезентативного опроса конфигурации собирательных биографических конструкций мужчин и женщин.

В заключении представлен взгляд на биографию в современном обществе, которая становится своего рода практической, смысловой и нарративной платформой, позволяющей индивиду адаптироваться в социуме, поддерживая определенный социальный порядок и интеграцию своего «я». Автор оценивает интервью как метод воспроизведения нарративной идентичности, в котором биографическое изображение идентичности связано с интерактивным ее производством. Подчеркивается, что эмпирическое исследование нарративной идентичности предполагает «тройственный» концептуальный и методологический подход, выработанный в социологии, лингвистике и литературоведении. Более широкое толкование нарративности, распространяемое на социологические понятия социального действия, идентичности и обыденного знания, и верифицируемое эмпирически в разных

формах биографического дискурса, открывает также перспективу инструментального обогащения качественного исследования путем дополнения анализа нарративов, данных наблюдения и визуальных документов.

Основное содержание диссертации опубликовано в следующих работах:

Монографии:

1. Рождественская, Е.Ю. Биографический метод в социологии. - М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. - 381 с.
2. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. (в соавт. с В.Г.Безроговым, О.Е.Кошелевой, В.В.Нурковой). Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. - М.: Изд-во УРАО, 2001. -192 с.
3. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. (в соавт. с Ипатовой Л., Каревой Н., Никитиной О., Новиковой Э., Сабировой Г.). Устная история, биография и женский взгляд / Ред. и сост. Мещеркина (Рождественская) Е.Ю. - М.: Невский простор, 2004.-270 с.

Брошюра

4. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. В соавт. с Е.Н.Астафьевой, О.Е.Кошелевой, В.В.Нурковой). Биографическое интервью. - М.: Изд-во УРАО, 2001.- 88 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК РФ:

5. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Русскоязычная диаспора в Латвии в поисках национальной и социальной идентичности // *Вестник Университета Российской Академии образования*. 1999. № 2. С.150-159.
6. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Социологическое измерение возраста // *Вестник Университета Российской Академии Образования*. 2000, № 2. С.53-63.

7. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // *Социс*, № 7, 2002. С.61-67.
8. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Социологическая концептуализация маскулинности // *Социс.*, 2002. № 11. С.15-25.
9. Рождественская, Е.Ю. Перспективы визуальной социологии // *Социологический журнал*. 2008. № 4.С.70-83.
10. Рождественская, Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. №30. 2010. С.5-26.
11. Рождественская, Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // *Социологический журнал*. 2010. №3. С.75-89.
12. Рождественская, Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 9. № 4. 2011. С.439-454.
13. Рождественская, Е.Ю. Документальный доступ к «субъективным микротеориям» и обыденному знанию // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. №33. 2011. С.80-111.

Статьи в журналах и сборниках, разделы в коллективных монографиях:

14. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Введение. // *Биографический метод: история, методология, практика* / Под ред. Мещеркиной (Рождественской) Е. и Семеновой В. - М.: ИС РАН, 1994. С.5-10.
15. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Введение в антологию мужской жизни // *Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования* / Под ред. В.Семеновой, Е.Фотеевой). - М.: ИС РАН, 1996. С.298-325.
16. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Биографическая реконструкция: образовательные и профессиональные стратегии адаптации к рыночной

- экономике // Сб. Биографические перспективы в пост-социалистических обществах / Под ред. В.Воронкова, Е.Здравомысловой. - СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1997. С.158-166.
17. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Биографии «новых русских»: Гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве // *Гендерные исследования*. 1999. №2. Харьковский центр гендерных исследований. - М.: Человек и карьера. С.123-144.
18. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. «New Russian Men: Masculinity Regained?» // *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* /Ed.by S.Ashwin. London& New York: Routledge 2000. P. 105-117.
19. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Качественные методы в гендерной методологии // *Гендерный калейдоскоп* /Под ред. Малышевой М. - М.: Изд-во ИСЭПН, 2001. С.169-187.
20. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Личностный опыт перемены профессиональных занятий // *Россия: трансформирующееся общество* / Под ред. В.А.Ядова. - М.: Канон-пресс, 2001, С. 449-462.
21. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения // *Введение в гендерные исследования. Часть 1*. Под ред. И.Жеребкиной. Харьковский ЦГИ.- СПб.: «Алетейя», 2001. С.197-237.
22. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // *Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика. Сб. статей*. - Бишкек: Фонд «Сорос-Киргизстан» 2001. С.255-294.
23. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Die russische Familie am Scheideweg: neue Trends und alte Muster // *Zivilgesellschaft und Gender-Politik in Russland* / Hg.M.Ritter. Frankfurt: Campus Verlag, 2001. S.41-66.
24. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса //

- О муже(N)ственности. Сб. статей / Сост. С.Ушакин. - М.: Изд-во Новое Лит.Обозрение, 2002. С.268-287.
25. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Как стать баронессой. Биография номера // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* №1. 2002. С.87-94.
26. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Биографическая иллюзия П.Бурдые / Перевод и комментарий Рождественской Е. // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* №1. 2002. С. 75-84.
27. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Arbeitsbiografien von Frauen aus Russland // *Gesellschaftliche Transformationen und Eigensinn.* Hannover: Universitaet Hannover, 2002.
28. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Die weibliche und maennliche Identitaet in den russischen Biografien // *Geschlechterkonstruktionen in Ost und West. Biografische Perspektiven.* Greifswald: Uni Verlag, 2002.
- 29.Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Продолжение Устной истории. Послесловие. //П.Томпсон. Голос прошлого. - М.: Изд-во Весь Мир, 2003.
30. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // *Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики. Материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям /Под ред. Л.Н.Попковой, И.Н.Тартаковской.* - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. С.80-108.
31. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Социологические исследования маскулинности // *Гендерное равенство: поиски решения старых проблем.* - М.: МОТ, 2003. С.86-111.
32. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. «Я была домашним, дворовым ребенком» // *Интеракция. Интервью. Интерпретация.* №2-3, 2004. С.87-94.
33. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Повседневность в биографии и устной истории // *Объять обыкновенное. Повседневность как текст по-американски и по-русски. Материалы 6 Фулбрайтской гуманитарной*

- летней школы/Под ред. Т.Д.Венедиктовой. - М.: Изд-во МГУ, 2004. С.145-162.
34. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Качественные методы в гендерной социологии // Женская устная история: гендерные исследования / Сост. А.Пето. - Бишкек: Центр издательского развития, 2004. С. 64-100.
35. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Пережитое-рассказанное-презентируемое: политики и практики меморизации // Право на имя. Биография вне шаблона. Третьи чтения памяти Вениамина Иофе. - СПб.: НИЦ Мемориал, 2005. С.35-44.
36. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. По ту линию фронта: женские рассказы о военном опыте // Право на имя. Биографика XX века. Методологи составления и изучения биографии. Четвертые чтения памяти В. Иофе. - СПб.: НИЦ Мемориал, 2006. С.85-96.
37. Рождественская (Мещеркина), Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // Россия трансформирующаяся. Ежегодник 2005. - М.: ИС РАН, 2006. С.198-213.
38. Рождественская, Е.Ю. Визуальный поворот: анализ и интерпретация изображений // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / Под ред. Е.Р.Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л.Круткина. - Саратов: Научная книга, 2007. С.28-42.
39. Рождественская, Е.Ю. Soziologische Untersuchungen der Maskulinitaet: Das maennliche Geschlecht im oeffentlichen und privaten Bereich in Russland // Postsozialistische Maennlichkeiten in einer globalisierten Welt. Hg. Sylka Scholz, Weertje Willms. Berlin: Lit Verlag, 2008. S.119-138.
40. Рождественская, Е.Ю. Frauenbiographien und Frauenerinerungen an den Krieg (mit V.Semenova, O.Nikitina) / Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich. Hg. Alexander von Plato, Almut Leh, Christoph Thonfeld. Wien-Koeln-Weimar : Boehlau Verlag, 2008. S.273-284.

41. Рождественская, Е.Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: Пункты. Сб. статей под ред. С.Ушакина и Е. Трубиной. - М.: НЛО, 2009. С. 108-132.
42. Рождественская, Е.Ю. Не связанное и не завершённое: биографическая работа по возвращению смысла (на примере историй жизни остарбайтеров) // Междисциплинарность в социологическом исследовании: Материалы Методологического семинара памяти Г.С. Батыгина (2007 - 2009 гг.) / Отв. ред. Л.А.Козлова; ред.-сост. О.А. Оберемко, И.А. Шмерлина; Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН; ГОУ ВПО «Российский университет дружбы народов». - М.: РУДН, 2010. С.283-302.
43. Рождественская, Е.Ю. Women's Biographies and Women's Memory of War (with Olga Nikitina, Victoria Semenova) // HITLER'S SLAVES. Life Stories of Forced Labourers in Nazi-Occupied Europe Edited by Alexander von Plato, Almut Leh, and Christoph Thonfeld. New York: Berghahn Books, 2010. P.296-309.
44. Рождественская, Е.Ю. Хакамада, или опыт деконструкции политической биографии // *Гендерные исследования*. № 20-21. 2010. С. 149-165.
45. Рождественская, Е.Ю. Статус события и статус субъекта: фигура остарбайтера на фоне // У пошуках власного голосу: Усна история як теория, метод та джерело. Зб.наук.ст./за ред. Г.Г.Гринченко, Н.Ханенко-Фризен. - Харьков: ПП «ТОРГСИН ПЛЮС», 2010. С.25-38.
46. Рождественская, Е.Ю. Пространство памяти в «Афганском» музее: попытки договориться с прошлым (в соавт. с И. Тартаковской) // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2011, №6. С. 103-117.
47. Рождественская, Е.Ю. Социальная память как объект социологического изучения (в соавт. с В.Семеновой) // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. №6. 2011. С.27-48.

48. Рождественская, Е.Ю. Нарративное интервью в отсутствие нарратива: методические следствия для анализа // Социологические методы в современной исследовательской практике. Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского / Отв. ред. и вступит. ст. О.А. Оберемко; НИУ ВШЭ, ИС РАН, РОС. - М.: НИУ ВШЭ, 2011. С.153-157.
49. Рождественская, Е.Ю. «Обыкновенный Холокост», или Биография выжившего. Интервью с бывшим узником концлагеря «Мертвая петля» Ароном Зусьманом // Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н.Ярской и Е.Р.Ярской-Смирновой. - М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. С.88-121.
50. Рождественская, Е.Ю. Гендерные особенности воспоминаний // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен. Материалы Пятой международной научной конференции Российской Ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии РАН, 4-7 октября 2012 года, Тверь. - М.: Изд-во Института этнологии и антропологии РАН, 2012. С. 46-49.
51. Рождественская, Е.Ю. Биография.doc: нарративизация биографического опыта остарбайтеров // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Сборник статей под ред. И.М. Каспэ. - М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.180- 198.